

ИЛЬЯ МОЗГОВОЙ

ПУТЬ ДЕПУРАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Илья Мозговой

Путь Дебура

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мозговой И.

Путь Депурая / И. Мозговой — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга актера театра и кино Ильи Мозгового написана в жанре сатиры. Она раскрывает тайны современной политической "кухни", позволяет читателю увидеть, как устроены выборы в России. В основе сюжета лежит противостояние честного человека и мира коррупции. Главный герой - новичок в политике, но человек проницательный, умеющий разбираться в людях и находить выход из казалось бы безвыходных ситуаций. Коррупционная машина слишком сильна, отлажена и беспощадна, поэтому описанные в книге события балансируют на грани сатиры, фарса и драмы. Сюжетная линия основана на реальных событиях. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Бабочка	5
Глава 2. Боулинг	10
Глава 3. Затычка	17
Глава 4. Собрание	20
Глава 5. Олег в Москве	25
Глава 6. ИКМО	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Илья Мозговой

Путь Депурая

Глава 1. Бабочка

Май. До выборов 154 дня.

Муниципальный округ «Красногвардейское», разделенный почти поровну узким и грязным каналом, ничем особенным не выделялся. Длинная, абсолютно прямая улица, давшая ему название, начиналась от одного из центральных городских проспектов и терялась вдалеке среди складов и заброшенных гаражей. За всю новейшую историю здесь не случилось никаких особенных скандалов, происшествий или сколько-нибудь значимых событий, и единственным отличием Красногвардейской от соседних однотипных улиц было невероятное средоточие административных зданий. Стоило только заблудившемуся туристу свернуть со сверкающего парадными фасадами проспекта, как уже через десяток метров он оказывался среди облупленных от вечной сырости домов. Здесь нашел себе приют штаб районных депутатов, о чем свидетельствовала небольшая табличка с надписью: «Муниципальное образование “Красногвардейское”». Буквально через несколько шагов располагался офис районной избирательной комиссии «ИКМО “Красногвардейское”». Дальше, уже на следующем перекрестке, находилась районная администрация, а в самом конце, там, куда уже не то что туристы, но и местные заходили крайне редко, стояло неприметное здание, на вывеске которого значилось: «Краснознаменный районный суд». На этом отличия заканчивались.

В будние дни, когда местное население уезжало на работу, улица полностью вымирала, и только одиноко бредущий школьник или какой-нибудь пьяница из тех, что вечно толкуются у магазина в надежде раздобыть денег на очередную бутылку, изредка нарушали ее покой. Так улица и жила изо дня в день, из года в год.

* * *

Группа, примерно из двадцати человек, образовав живой полукруг, стояла под холодным майским дождем. В припаркованный неподалеку автобус несколько рабочих складывали свой инвентарь. Погода испортилась, как это часто бывает в Петербурге, внезапно, но им повезло: привезенная стальная оградка была установлена, цветы высажены, торжественное открытие монумента «Бабочка на земном шаре» состоялось.

– Элеонора Антоновна, дождик! Давайте я вас зонтиком накрою, – обратился к даме лет пятидесяти член Молодежного совета Борис Факсман.

Организатор сегодняшнего мероприятия Элеонора Антоновна Черви кивнула, не отрывая взгляда от только что установленной муниципалами композиции.

– Спасибо, Боря, спасибо, я вот свой забыла, – произнесла она, скорее машинально, чем осознанно, с каждой минутой все глубже погружаясь в обуревающие ее тревожные мысли.

Затея с установкой стальной оградки и высадкой вокруг нее редких пожухлых цветов теперь казалась глупой и бессмысленной. Все надежды и ожидания, связанные с проходящей встречей, явно не оправдались. Вместо них накатило чувство стыда и глухой тоски. Несколько дней она просила коллег пригласить на открытие жителей района, но, кроме сотрудников муниципалитета, никто так и не пришел.

Подрядчик смонтировал купленную по каталогу китайскую композицию еще вчера, и уже в первую ночь кто-то умудрился прилепить на выпученный глаз насекомого окуроч.

– Интересно, как она будет выглядеть зимой, когда выпадет снег, – пытаюсь прервать царившее среди присутствующих молчание, спросил Борис.

«Какой зимой?» – подумала Элеонора Антоновна и, взглянув на Факсмана, сказала:

– Боренька, до зимы еще выборы пережить нужно, а там посмотрим.

Ох уж эти выборы! Уже полгода все ее мысли вращались исключительно вокруг этих чертовых выборов. Все, что она делала, все запланированные дальнейшие мероприятия были посвящены только им. «Жалкие холуи!» – с отвращением подумала Элеонора Антоновна, переводя взгляд на группу молчаливо мокнувших под дождем коллег. Из созыва в созыв ей практически в одиночку приходилось протаскивать давно сформированный коллектив на новый депутатский срок, и делалось это исключительно для того, чтобы встретиться с большинством из них только накануне очередных выборов.

Особенно обижало Элеонору Антоновну то, что народные избранники это прекрасно понимали. Попав случайно почти два десятилетия назад в одну с ней команду, они давно охладели к любой деятельности, связанной с муниципалитетом. В дела округа не лезли, на бюджетные деньги не претендовали, но, даже осознавая всю свою зависимость от занимаемой Элеонорой Антоновной должности, помогать не собирались.

Возведение в одном из скверов травяной композиции ознаменовало публичное начало долгой и, вероятно, самой сложной для округа предвыборной кампании. Популярная некогда партия, в которую Элеонора Антоновна вступила еще молодой учительницей, трещала по швам. Решение президента баллотироваться на новый срок не от партии, а самовыдвиженцем оказалось последним гвоздем, забитым в крышку партийного гроба.

Элеонора Антоновна понимала, что на одном рейтинге проскочить не получится, и подошла к процессу подготовки основательно. Уже два года при округе успешно функционировал возглавляемый ее сыном Молодежный совет. В отличие от «трутней», а именно так Элеонора называла за глаза обленившихся коллег, привлеченные молодые активисты регулярно снабжали социальные сети необходимым материалом. Будучи по совместительству главным редактором районной газеты, Элеонора Антоновна старалась, чтобы в каждом издании обязательно появлялся снимок с участием сына, но даже это не гарантировало их совместного избрания. При наличии серьезной конкуренции на взятки и подкуп потребуются миллионы, и эти деньги ей придется вынимать из своего кармана.

– Дорогие красногвардейцы! – прервал ее тяжелые мысли голос Олега.

Элеонора Антоновна перевела взгляд на сына, который вышел вперед и, убедившись, что привлек всеобщее внимание, продолжил громко читать по принесенной с собой бумажке:

– От имени Молодежного совета поздравляю вас с наступающим Днем города! Наш город – это центр культурной жизни России, это культурное наследие всей нашей страны! Мы хотим, чтобы каждый петербуржец гордился своим городом и всегда знал, что Санкт-Петербург – красивейший город планеты, и мы все едины в любви к нему.

Раздались аплодисменты. Элеонора Антоновна подошла к сыну и, активно хлопая вместе со всеми, тихонько поинтересовалась:

– Олечка, а красногвардейцы это кто? Мы, что ли?

– А что тут такого? – возмутился Олег, почувствовав сквозившую в голосе матери иронию. – Я эту речь у колпинцев позаимствовал, а они – у семеновцев, все так пишут. Поменял «колпинцы» на «красногвардейцы» – и все!

Аплодисменты стихли, и следующий вопрос Элеоноре Антоновне пришлось прошептать Олегу прямо на ухо:

– А в семьдесят втором округе как пишут? Или в пятнадцатом? Может, «дорогие пятахи»?

Олег угрюмо уставился на мать, но Элеонора Антоновна уже отвернулась и, широко улыбаясь, обратилась к мокнувшим под дождем людям:

– Дорогие жители муниципального округа «Красногвардейское»! Одним из самых важных направлений деятельности депутатов нашего муниципального образования является благоустройство внутридворовых территорий. В результате проведенных работ в этом сквере появилась уютная зона отдыха, на которой с комфортом могут провести время жители разных возрастов, а сегодня здесь была установлена эта прекрасная композиция, символизирующая большую бабочку мира на нашей с вами Земле. Стоит отметить, что подобного благоустройства нет ни на одной улице Петербурга.

Пока Элеонора Антоновна произносила подготовленную речь, дождь резко закончился и сквозь образовавшуюся в облаках брешь пробилась первая солнечная лучина. Не дождавшись окончания аплодисментов, глава округа указала рукой на небо и радостно прокричала:

– Вот видите! Солнце! Это что-то да значит!

Рассыпанные по искусственной траве капли заискрились.

– Видите, – засмеялась Элеонора Антоновна, – это означает, что все мы делаем правильно!

Аплодисменты повторились.

– Элеонора Антоновна, у вас телефон в сумочке звонит, – подсказал подошедший к ней Факсман.

Не обращая внимания на Бориса, глава округа вновь обратилась к присутствующим:

– На этом наше торжественное открытие не закончено, предлагаю пройти в муниципальный офис, где нас ждет чай с пирогами.

Гости мероприятия, складывая на ходу зонты, начали неспешно покидать сквер, а Элеонора Антоновна достала из сумки все еще разрывающийся смартфон. Звонил оставленный на дежурстве член Молодежного совета Андрей.

– Элеонора Антоновна, – быстро заговорил он, – как у вас дела? Все в порядке?

– Андрюшенька, все хорошо, мы уже идем. А как у тебя, все готово, ждешь нас?

– Да, стол накрыл, все готово, вот только... – замялся на секунду Андрей, – опять под дверь подушки подложили... Хорошо, я заметил, успел спрятать.

– Молодец, Андрюша, – произнесла Элеонора Антоновна резко похолодевшим голосом. – Я передам Факсману, он кашу заварил – пусть сам и расхлебывает! Ты пока проследи, чтобы никто на них не наткнулся, убери подальше.

– Уже убрал, – ответил Андрей.

– Мама, пойдем, – позвал ожидающий на выходе из сквера Олег.

– Да-да, иду, – ответила Элеонора Антоновна, убирая на ходу телефон и, подойдя к Олегу, попросила: – Догони, пожалуйста, этого дурака Факсмана, попроси его немедленно подойти ко мне.

– Понял, – ответил Олег и, чувствуя, что матери не до расспросов, побежал по улице вслед за медленно переваливающимся в отдалении Борисом.

«Ну что за идиот! – горестно думала Элеонора Антоновна, аккуратно переступая через оставленные на тротуаре собачьи фекалии. – Принесла же тебя нелегкая... Подставил так подставил... Жаль, выгнать пока нельзя».

Повод обидеться на Бориса у Элеоноры Антоновны действительно был. В преддверии прошедшего недавно праздника в честь Дня Победы Олег предложил неплохую идею – обойти оставшихся в районе ветеранов и подарить небольшие подарки, а заодно раздать несколько выпусков местной газеты.

Элеонора Антоновна сразу подхватила инициативу и уже на следующий день приобрела на распродаже десяток дешевых подушек, а разнести их по квартирам поручила Факсману.

Борис, как казалось на тот момент, старательно изучил хранящиеся в муниципалитете списки избирателей и пошел по квартирам. И все было бы прекрасно, если бы Факсман не перепутал старушек и по ошибке не подарил приготовленный депутатами презент не той, кото-

рой он полагался. Но даже это не было бы бедой, если бы Борис не обнаружил свою ошибку и не забрал подушку обратно.

Обиженная старушка ударилась в слезы. Кто-то из ее родственников выложил в Интернет гневный пост, красноречиво описав извергов-депутатов, отнимающих у несчастных бабушек подушки. И тут, как говорится, понеслось.

Среди дышащих ненавистью многочисленных комментариев мелькнуло предложение защитить ветеранов от посягательства муниципалов. А чтобы подобное не повторялось, обеспечить бедствующим представителям администрации всеми необходимыми спальными принадлежностями.

Первая подушка оказалась у дверей офиса уже на следующее утро. Элеонора Антоновна, пришедшая в тот день раньше остальных, брезгливо отпихнула ее ногой и зашла в помещение. К концу рабочего дня под дверями у депутатов лежало уже четыре подушки, а в Интернете появились комментарии, сообщающие о том, что собранные сердобольными гражданами спальные принадлежности оказались у муниципалов невостребованными.

С тех пор депутаты начали регулярно проверять порог и, обнаружив очередное подношение, сразу же заносить его в офис. К концу недели в подсобном помещении штаба муниципального образования скопилось около двадцати подушек, несколько одеял и даже один матрас.

Но ужаснее всего было то, что плохо разбирающиеся в тонкостях границ депутатских округов граждане стали приносить подушки к офисам соседних образований. Теперь уже раздавались гневные звонки от коллег, требующих оградить их от последствий порочащего образа депутата поступка. В завершение истории с Элеонорой Антоновной связался курирующий район депутат Законодательного собрания и предупредил, что «если весь этот бардак немедленно не прекратится, то и Элеонора Антоновна, и ее сынок, и вообще “все их блядское окружение” получат такого пинка, что их не то что в депутаты, а даже в муниципальные дворники больше не возьмут».

Пришлось трясущейся от страха главе в срочном порядке публиковать в районных изданиях не фотографии собственного сына, позирующего на очередной детской площадке с малярным валиком в руке, а портрет грустного Факсмана с длинным текстом извинений.

Народ, переключившись на другие события, успокоился, но время от времени подушки продолжали появляться.

– Элеонора Антоновна, вы что-то хотели? – поинтересовался подошедший Борис.

«Убить бы тебя я хотела», – подумала Элеонора, но, взяв себя в руки, произнесла:

– Боря, придется тебе опять сходить за пакетами! Андрей звонил: подушки принесли.

Факсман моментально весь осунулся и полным отчаяния голосом спросил:

– Он их спрятать успел?

– Успел, успел, – успокоила его Элеонора Антоновна. – Но придется тебе сегодня задержаться и все исправить. Факсман подобострастно закивал и, проводив взглядом уходящую Элеонору Антоновну, засеменял в ближайший супермаркет.

Праздник продолжался недолго. После короткого доклада специально приглашенных по такому поводу юных активистов утомленные пирогами депутаты начали разбредаться, за ними, убрав посуду, разошлись и члены Молодежного совета.

– Возьми мой ключ, – предложил Борису перед уходом Олег. – Ты, как закончишь, сам закрой, а утром мама откроет.

– Хорошо, – пробубнил Факсман и, проводив Олега, закрыл за ним дверь. Вечер обещал быть долгим, приближались белые ночи, а то, что предстояло сделать Борису, можно было исполнить только в темноте.

Факсман вздохнул, забрал купленные пакеты и пошел на кухню. Технологию избавления от улик он уже отработал. На коротком совещании, посвященном вопросу очистки офиса от скопившихся завалов, Элеонора Антоновна, побоявшись, что кто-то может заметить подушки

в мусорном контейнере, распорядилась выносить их по частям. Ответственность возложили на провинившегося Борю Факсмана.

С тех пор практически каждый вечер Борис допоздна потрошил и расфасовывал по пакетам все, что скапливалось за день, а с наступлением темноты разносил небольшими партиями по расположенным в округе помойкам. Первое время его это угнетало, но, немного поупражнявшись, Факсман полностью отдался увлекательному процессу. Иногда Борис подолгу рисовал на ткани лики своих врагов, после чего со сладострастной улыбкой на потном лице выдвигал лезвие канцелярского ножа и начинал яростно полосовать несчастную подушку.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, Факсман тихонько закрыл дверь офиса и, подхватив пакеты, отправился по уже привычному ночному маршруту. Выкинув первый мешок в ближайшей подворотне, Борис перешел подсвеченную редкими фонарями улицу и, миновав несколько спящих кварталов, неспешно добрал до выходящего на перекресток сквера

Неожиданное чувство, будто за ним пристально наблюдают, заставило похолодевшего Факсмана остановиться. На открытой площадке сквера кто-то был. По спине Бориса пробежали мурашки. Не отводя взгляда от едва различимой фигуры, Факсман тихонько вышел за пределы подсвеченного фонарем участка. Теперь немного привыкшие к темноте глаза начали различать первые смутные очертания.

«Да это же наша бабочка!» – с облегчением сообразил Факсман и вернулся на дорогу.

Неожиданный, разорвавший ночную тишину скрип буквально пригвоздил ноги Бориса к асфальту. Испуганно шурясь, Факсман попытался разглядеть в царившей тьме неподвижный силуэт. Ему показалось, что фигура бабочки немного развернулась.

«Да не может этого быть!» – попытался успокоить себя Факсман и, убедившись, что, кроме травяной фигуры, на площадке никого нет, Борис заставил себя отвернуться и сделать шаг.

Скрип повторился.

Объятый ужасом, Факсман замер и выпучил в темноту глаза.

Тень не двигалась.

Борис тревожно ждал и, удостоверившись в том, что на площадке ничего не происходит, попробовал медленно попятиться.

Скрытая во мраке ночи бабочка не двигалась.

«Фантазер!» – выругался он про себя и отвернулся.

Резкий, усиленный эхом щелчок заставил пальцы Бориса разжаться. Выронив прямо на тротуар пакеты, он впервые за много лет побежал.

Глава 2. Боулинг

Боулинг – развлечение детских праздников и пьяных вечеринок, но о том, что это еще и серьезный спорт, многие люди даже не догадываются. Однажды я попал на организованную в боулинге корпоративную встречу и был пленен этой игрой. Со временем, освоив кое-какие навыки, я пристрастил к этому занятию жену. Мы приобрели весь необходимый спортивный инвентарь и стали чуть ли не ежедневно подолгу пропадать по вечерам в боулинге.

Немного подучившись у профессионалов, мы принялись оттачивать мастерство – на любительских турнирах, а вскоре пришли и первые победы. Появились новые друзья.

– Извините, можно я заберу свой шар? – вежливо попросил Павел, доставая его из шаро-приемника соседней дорожки.

– А почему это он ваш!?! – возмущенно воскликнула блондинка в обтягивающем бордовом платье.

– Потому что он мой, – ничуть не удивился вопросу Павел и добавил: – я купил его в магазине. Видите дверь с надписью «ПРОШОП»? Стоит шар двести долларов, а еще за тысячу рублей в нем просверлят дырочки под ваши очаровательные пальчики.

Павел не стремился пошутить или оскорбить собеседницу. Фраза была давно отработана на сотнях пьяных или просто случайно зашедших в боулинг посетителях. Она помогала выйти из неловкой ситуации и позволяла быстро вернуть личный инвентарь, который постоянно норовили позаимствовать ни о чем таком не подозревающие игроки.

– Вы можете выбрать любой шар на стойках за столиками, – все так же монотонно произнес Павел, нацепив на лицо дежурную улыбку.

После этой тирады даже самые любознательные обыватели прекращали расспросы. Они делали вывод, что секрет хорошей игры не в умении, а в «специальном шаре за двести долларов» и теперь можно с чистой совестью, не стесняясь соседства профи, спокойно швырять обычные шары мимо дорожки.

Однако дамочка оказалась из разряда тех редких исключений, общение с которыми выбивалось из привычных рамок. Блондинка явно предпочитала заканчивать дискуссию последней.

– Не нужно нам ничего объяснять, мы все давно поняли, – хамовато выпалила она, скорчив оскорбленную гримасу.

Павел вздрогнул и, казалось, только сейчас обратил внимание на собеседницу. Заготовленного ответа у него не было, но весь вид девицы указывал на то, что разговор на этом окончен.

– Вероника, – окликнули блондинку из-за столика, – пиццу принесли!

Блондинка повернулась спиной и, нарочито виляя соблазнительными бедрами, поплыла к своей компании.

– Привет, дружище, – перекрикивая музыку, поздоровался я.

Павел, улыбнулся и, протиснувшись между стульями, протянул руку. Я для него был свой.

– Что, опять шары тырят? – намеренно громко произнес я, рассчитывая, что фразу услышат за соседним столиком.

– Как обычно, – немного смутился друг. – Я Ленку с работы жду, клуб забит полностью, вставай пока на мою дорожку, – предложил он.

Павел с Леной были старше меня лет на десять. Но это не мешало нам общаться на равных. Как и для нас с женой, боулинг для них был семейным видом спорта. Мы часто вместе тренировались и постоянно соревновались на проводимых в клубе турнирах.

Поблагодарив Павла, я достал принесенные с собой ботинки и начал переобуваться, незаметно разглядывая компанию за соседним столиком.

В боулинге на висящих над дорожками мониторах обычно пишут имена игроков. Ради развлечения я частенько пытался угадать, какое имя кому принадлежит, а потом, наблюдая за соседями, проверял свои догадки.

Сегодня все было просто. Кроме крашеной блондинки за столиком сидели трое: пара пенсионеров и кучерявый брюнет в очках.

Отнять у Павла шар пыталась Вероника. Значит, обильно обвешанная бижутерией молодящаяся тетка звалась Любовью. Оставалось два имени: Витя и Ханс.

Судя по повышенному вниманию присутствующих к последнему, я предположил, что оказался свидетелем презентации заморского ухажера престарелым родителям.

В потертом, надетом поверх свитера пиджачке откровенно скучал вероятный отец семейства Витя.

Ребус был разгадан. Довольный собой, я присоединился к Павлу и, забыв про соседей, погрузился в игру.

– В кино сейчас снимаешься? – поинтересовался Павел во время перерыва после очередной партии.

– Опять фрица играю, – усмехнулся я.

– Это какого ж по счету? – восхитился напарник. – Когда тебе уже звание заслуженного фашиста России дадут?

Шутка была старая. Ампула прижилось еще со времен учебы в институте, когда я впервые сыграл в военной картине. С тех пор образ арийца, нещадно истребляющего русское население, стал для меня постоянным источником дополнительного дохода.

– Ты смеешься, а мне девятого мая на улицу выходить страшно, – пошутил я.

Мы весело загоготали, игроки за соседним столиком осуждающе покосились на нас.

– А у тебя как дела? – спросил я Павла.

– Да что у меня, я человек простой. Работаю. Сейчас к выборам очередным пора готовиться. На новый депутатский срок собираюсь пойти.

Я, конечно, знал, что Павел кроме основной работы был каким-то депутатом, но что представляет собой эта должность, совершенно не понимал. В моем воображении все политики формировали некий общий собирательно-коррупционный образ. При этом я никогда не задумывался, откуда они, собственно, берутся. И факт подготовки Павла к выборам меня заинтриговал.

– А что делают депутаты, что нужно уметь? – спросил я заинтересованно.

– Ну рассмешил! Да ничего особенного не делают, – забегали чертики в глазах друга.

В целом я так и предполагал. Но коль впервые зашел разговор о политике со специалистом, к коим я причислял и Павла, захотелось разобраться в вопросе более подробно.

– Не, ну не могут же они совсем ничего не делать!.. Как минимум воровать же должны.

– Воровать должны, – улыбнулся Павел, – но не всем это дано. Если говорить серьезно, то депутаты, как и вообще люди, бывают разные.

Сказав это, Павел заговорщически кивнул на соседнюю дорожку.

Я обернулся и увидел готовившуюся к броску блондинку.

– Ты посмотри, какая прелесть, – воодушевленно прошептал Павел.

Блондинка сделала два больших шага и, высоко подняв правую ногу, бросила на дорожку шар. Бордовое платье игриво задралось, мелькнули белые трусики.

– Она каждый раз так кидает! – восторженно выдохнул приятель. – Спасибо тебе, царица боулинга! «Продолжай, спеши еще наполнить звуками мне душу», – закончил он цитатой из Пушкина.

Между тем девица, не сбив ни одной кегли, сдаваться не собиралась и готовилась к еще одному броску.

Я посмотрел на Павла. Сияя от счастья, он продолжал пожирать глазами блондинку. И только дождавшись, когда в очередной раз мелькнет интимный предмет гардероба чаровницы, перевел взгляд на меня.

– Разные депутаты – это какие? – вернул я тему разговора в прежнее русло.
– Да дались тебе эти депутаты, когда тут такая красотища порхает перед глазами, – с наигранным осуждением произнес Павел. – Наслаждайся зрелищем. Давай лучше по пиву, – отрезал он и нажал на кнопку вызова официанта.

Предложение мне понравилось.

– По пиву, так по пиву, – согласился я. – Только ты уж если начал, то расскажи.

Павел, явно вдохновленный идеей плавного перехода тренировки в пивную вечеринку, продолжил повествование о трудных буднях муниципальной власти.

– Ну смотри: основная масса – это те, кто действительно ничего не делает. Зарплату им не платят. На заседания они не ходят. Ну разве что иногда, когда бумажку попросят нужную подписать.

– А зачем же им это нужно? – удивился я.

– Ну как зачем? – усмехнулся Павел. – Льгот нет, но и забот нет тоже, ходят хвастаются корочками. Престиж опять-таки определенный имеется. Здесь главный вопрос – не зачем это им, а зачем сами они.

Приятель сделал паузу, как будто ждал от меня ответа.

– Массовка? – неуверенно предположил я.

– Правильно, в точку! – воскликнул Павел. – Точнее, не массовка, а что-то вроде затычки. Пустых мест в муниципалитетах быть не может. Вот их и держат. В дела чужие они не лезут, сидят на местах, дырки вакантные собой затыкают.

– И что, много таких? – поинтересовался я.

– Если в процентах, то почти девяносто, – продолжил со знанием дела Павел. – Но есть и другие. Их мало, однако они-то всем и рулят.

Павел передвинул лежащее на столе полотенце, освободил место под принесенные миленькой официанткой запотевшие бутылки и, дождавшись пока она уйдет, продолжил:

– Эти, как правило, сидят на одном месте. Выше их не пускают, но здесь берегут. У них давно созданы свои фирмочки, через которые муниципальный бюджет и осваивают. Они – что-то вроде гаишника на трассе. Если его повысить, то где ему для верхов бабло брать? Так что стоит он всю жизнь на нужном месте, палкой машет, себе зарабатывает и вышестоящим отстеживает.

Павел перелил пиво в стакан, сделал большой глоток и спросил:

– Что, играть-то еще будем?

– Да-да, конечно, будем, – рассеянно ответил я, глотнув за компанию прямо из горлышка и переваривая новую для себя информацию.

– Вы сюда пьянствовать ходите или тренироваться? – с наигранной строгостью прервала нашу идиллию Лена.

– Да мы и тренировались, пока Илюха с расспросами не пристал, – начал оправдываться Пашка.

– Ну тогда и мне расскажите, – заинтересованно продолжила жена приятеля и присела на свободный стул.

– Да что тут рассказывать! Я ляпнул про выборы, а Илья прицепился как репей. Пришлось почти всю политическую подноготную современной России на муниципальном уровне излагать.

– Фи! Я-то думала, что-то интересное, – сморщила носик Лена. – А тебе это зачем, тоже решил в депутаты податься? – после секундной паузы спросила она меня.

– Да ты что, мне театра хватает! – усмехнулся я.

– А зря, – серьезно произнесла Ленка, – у тебя бы получилось. Да и по закону совмещать искусство с депутатством можно.

– Действительно, можно, – поддержал жену Павел. – Ты вообще ничего не теряешь. Работа у тебя честная. Да и фамилия звучная, для депутата подходящая. Мозговой – мозг нашего округа! – пафосно изрек друг. – Чем не лозунг для кандидата в депутаты? Мог бы и попробовать.

– Да не хочу я ни затычкой сидеть, ни деньги воровать! – попытался отшутиться я.

– Про затычки не поняла. Это, наверное, что-то мужское, – усмехнулась Лена. – А воровать ты не будешь. Пашечка же у меня не ворует.

Лена игриво погладила Павла по голове.

– Лена, ты давай иди переодевайся уже, – засмутившись, перевел разговор в другое русло Павел.

– Ладно, пойду, – ответила она, вставая. – Кофе мне закажи, скромняга.

– Закажу, – пообещал жене Павел. – Еще по пиву? – уже обращаясь ко мне, предложил он.

– Давай, – согласно кивнул я. И снова перевел разговор на свербившую в пятой точке тему. – А ты, значит, из нормальных будешь? – подколол я его, зная, что друг не обидится.

– Стараюсь по мере сил, – ответил Павел серьезно.

– А какие еще бывают депутаты? – не унимался я.

– Разные бывают, – задумавшись, продолжил он. – Есть голодные – те, которые свое место у кормушки отжать хотят. А есть и идейные, и оппозиционеры разные. Но таких совсем мало. Кто их пустит?

– Но ведь ты говоришь, что есть. Значит, пускают? – напирал я.

Павел молча достал из сумки смартфон и, после недолгого поиска, протянул мне.

– Вот смотри: в нашем городе тысяча пятьсот муниципальных депутатов. Видишь таблицу?

На экране действительно светились столбики непонятных мне цифр. Павел указал пальцем на нужную графу и продолжил:

– Точнее, одна тысяча пятьсот пятьдесят. Теперь видишь этот столбик? Это разделение по партиям. Первый – Единовластная Россия. Сколько у них сейчас мест?

– Тысяча двести семьдесят семь, – глядя на экран и все еще не понимая, куда клонит Павел, ответил я.

– Ну вот тебе и ответ, – заключил Павел, выключая смартфон. – Остальные триста тоже, конечно, нужны. На выборах там пошуметь, поскандалить иногда – не коммунизм же в стране все-таки. Но решать им никто ничего не даст. А будут «вонять», просто массой задавят. Так что, «голосуй не голосуй, все равно получишь...» сам знаешь что, – шутливо резюмировал собеседник.

– А ты-то от чьих будешь? – заинтригованный этим новым для себя миром, уточнил я.

– Я как самовыдвиженец пойду, – ответил Пашка, доливая остатки пива в стакан. – Так-то, конечно, я – педрос, иначе государственным служащим нельзя. Но сейчас от них идти не получится, клан у меня неправильный.

– Паша, а педросы – это кто?

– А, ну ты-то не в теме, – улыбнулся Павел. – Аббревиатура у них такая в Питере: Петербургское региональное отделение партии «Единовластная Россия». Язык сломать можно, а так – педросы.

После выпитого с Павлом пива играть мне расхотелось, и я с радостью уступил место на дорожке вернувшейся из раздевалки Лене.

Молча наблюдая за разминкой друзей, я сидел и обдумывал новую для себя информацию. О политике раньше я никогда даже и не мыслил. Но теперь, поняв, что дело это вполне реальное, я неожиданно поймал себя на том, что немного завидую Павлу.

Официантка принесла заказ: две бутылки и кофе для Лены. Я разлил по стаканам пиво и, дождавшись, когда друзья начнут новую партию, отправился в клубный туалет.

Первое, что я увидел, распахнув дверь с надписью «WC», – глава семейства из компании с соседней дорожки. Мужчина стоял у раковины. Заметив меня, он вдруг задергался, как воришка, пойманный на месте преступления, резко повернулся спиной к выходу и судорожно попытался запихнуть какой-то предмет в карман пиджака.

С невозмутимой физиономией, подразумевающей, что мне нет никакого дела до происходящего, я попробовал его обойти. И в отражении зеркала, к которому мужчина так опрометчиво повернулся, заметил то, что он пытался от меня скрыть: маленькая плоская бутылочка коньяка упорно не хотела закрываться.

Делая вид, что ничего не происходит, несчастный никак не мог завинтить крышку и одновременно засунуть упрямую бутылку во внутренний карман. Наконец, совсем отчаявшись, мужик решился запихнуть ее прямо так.

– Ничего, ничего, не переживайте, здесь все так делают, – решив прекратить мучения страдальца, сказал я самым миролюбивым тоном, на какой был способен.

До мужчины не сразу дошел смысл сказанного. Он испуганно посмотрел в мою сторону, потом на свое отражение, улыбнулся и вдруг извиняющимся голосом начал оправдываться:

– Вы не подумайте, я не хотел. Но там жена, дочь с женихом. Разволновался, решил им не мешать...

– Понимаю, – ответил я, – бывает...

И только собрался пройти в кабинку, как мужчина достал бутылку и протянул мне.

– Угощайтесь! – с радостным возбуждением предложил он.

Пить в туалете дешевый коньяк мне не хотелось. Но, взглянув на открытую, полную счастья улыбку собеседника, я понял, что выпить нужно, хотя бы из солидарности.

Сделав небольшой глоток и поблагодарив мужика, я напомнил, что бутылку, перед тем как спрятать в карман, лучше закрыть. На том и распрощались. Отец семейства вышел, а я все стоял и смотрел на закрывшуюся за ним дверь.

Мне было жалко мужика. Я совершенно ничего не знал о нем. Но, понаблюдав за тем, как общаются наши соседи, предположил, что жена и дочь давно списали слабовольного Витю со всех счетов и держали дома, скорее, по привычке, для полного семейного комплекта.

– Точно играть не будешь? – спросила Лена, присаживаясь за стол после очередной партии.

– Да нет, спасибо, мне и так хорошо, – ответил я.

Выпитое пиво разморило. Двигаться было лень. Я сидел и просто наблюдал за игрой друзей.

– Что-то меня повело, – виновато произнес Павел, плюхаясь на соседний стул.

– Да уж, спортсмены из вас что надо, – сыронизировала Лена. – По два литра умяли за милую душу. Какая уж тут игра...

Внезапно раздавшийся за моей спиной громкий визг, сопровождавший звон бьющейся посуды, прервал Ленкину нотацию.

Я подскочил от неожиданности и, резко развернувшись, больно ударился ногой об валяющийся на полу шар.

Побледневший отец семейства неподвижно замер у начала дорожки.

Заморский жених беспомощно шурился в попытке отыскать неведомо куда улетевшие очки.

Блондинка, с головы до ног облитая всем, что еще недавно находилось в бокалах, оттягивала от тела мокрую ткань.

И только мамаша все еще неподвижно сидела за внезапно опустевшим столом. Лица ее было не видно. Но, судя по нервным подергиваниям несчастного Вити, я предположил, что жить мужику осталось недолго.

– Страйк! – приглушенно воскликнул Павел, отодвигая носком ботинка от стоявшей на полу сумки разбросанные куски пиццы.

Бросок у отца семейства и впрямь получился отменный. Видимо, измазанные в соусе пальцы в момент замаха не удержали шар и, выскользнув из руки, он полетел в сторону столика, сметая все на своем пути.

– Давайте закончим на сегодня, – предложил Павел.

Глава 3. Затычка

Голубой огонек оторвался от карты и пополз по экрану. «Сила тайги, сила реки, сила гор!» – словно мантру, повторял голос за кадром.

Огонек приблизился к краю карты и, перескочив границу, растворился над территорией Китая. «Газпром – национальное достояние. Все мечты сбудутся!» – продолжал торжественно вещать мужской голос.

Зачем по главному каналу уже несколько лет транслировали рекламу добычи метана – продукта жизнедеятельности древнейших организмов, – я не понимал, но, видимо, маркетологи считали, что природный газ можно использовать как некий рычаг для управления патриотизмом. Лично на меня ролик действовал неэффективно.

Я выключил звук телевизора и включил чайник. Жена еще вчера увезла нашу дочку на дачу, а у меня на сегодня была запланирована репетиция и после нее спектакль. Но утро было свободным и непривычно тихим.

Разогрев обнаруженный в холодильнике суп, я сел за стол и снова взглянул на экран.

Грузный мужчина в белой рубашке и галстук тащил кого-то через проход большого зала. Лица его жертвы видно не было – мужчина набросил ему на голову его же пиджак и теперь уверенно направлялся к выходу. Несчастный, комично размахивал руками и сбивал со стоящих вдоль прохода маленьких столиков микрофоны и бутылки с водой. На экране мелькнул висящий на стене герб Российской Федерации. Теперь стало понятно, что по телевизору показывают фрагмент заседания думских депутатов.

Преодолев несколько метров, накрытый пиджаком мужчина споткнулся и, вывернув рукава наизнанку, обрел наконец свободу. Звук телевизора по-прежнему был выключен, и, что кричали друг другу оппоненты, я не слышал. Не успел мужчина в белой рубашке осознать, что жертва освободилась, как неожиданно за его спиной возник совершенно лысый толстяк и, схватив его за лицо, прижал к своей груди. Заметив, что теперь перевес сил на его стороне, лишившийся пиджака депутат подскочил к белорубашечнику и принялся лупить его кулаками по огромному животу.

Несколько толстяков лениво вылезли из массивных белых кресел и попытались растащить драчунов в разные стороны. Один из них попробовал заснять происходящее и поднял над головой смартфон, но его тут же выбили у него из руки.

Постепенно к дерущимся стали присоединяться сидевшие поблизости депутаты, и уже через несколько секунд весь проход заполнился одетыми в костюмы мужчинами.

Назвать царящую на экране вакханалию особенно зрелищной было нельзя. Врезающиеся друг в друга животами депутаты, скорее, напоминали борцов сумо, и эффектных приемов, свойственных другим видам единоборств, никто из них не делал. Не успел я подумать, что один-единственный в этой среде профессиональный дзюдоист давно бы уже раскидал толстяков по залу, как картинка сменилась, и на экране появилась симпатичная ведущая.

Чем закончилось противостояние, я так и не узнал, но битва думских «сумоистов» напомнила мне о вчерашнем разговоре с Павлом.

«Мозговой – мозг нашего округа!» – вспомнил я шуточный лозунг товарища. И если предположить, что драчуны из телевизора находились на верху пищевой цепочки депутатов, то что же говорить о районном уровне?

«А почему бы и мне не попробовать?» – в какой-то момент подумал я.

Теперь высказанное Леной предложение о моем походе в муниципальную власть показалось мне не таким уж абсурдным. В политике я не понимал ровным счетом ничего. Но и дураком себя не считал. К тому же должность районного избранника была настолько незначительной, что справиться с ней, на мой взгляд, мог даже полный идиот. Главное, что для этого

и делать-то особенно ничего не придется. Так неужели с моей фамилией за меня, пусть еще не народного, но все же артиста, не проголосуют? «Поднаберусь опыта, понаблюдаю за затычками, может, потом и дальше по политической лестнице пойду», – начал я фантазировать.

Позавтракав, я выключил телевизор, собрался и поехал на репетицию в театр. В вагоне метро я достал распечатку роли – и напрочь забыл и про депутатов, и про свою политическую карьеру.

* * *

– Ты представляешь, какие сволочи! – вместо приветствия набросилась на меня жена.

– Кто сволочи? – обреченно вздохнул я, понимая, что уйти от разговора не получится.

Жена у меня хорошая, тут вопросов нет. Но есть и у нее несколько недостатков, с которыми мне приходится мириться. Один из них – гипертрофированное чувство справедливости, из-за которого я частенько вынужден выслушивать гневные и крайне громогласные монологи.

– Как кто?! Власти наши, вот кто! – продолжала возмущаться жена.

Про то, что власти – сволочи, я, конечно, догадывался. Но опыт подсказывал: в подобные минуты жену нужно выслушать до конца: власть была далеко – а вот я рядом. Стоит ей заподозрить мое безразличие к обсуждаемому вопросу – и весь эмоциональный порыв легко переключится лично на меня.

– Конечно, сволочи! – как можно убедительнее поддакнул я и осторожно попробовал выяснить, что, собственно, произошло.

– А тебя мешки с дерьмом на улице не смущают? Так и собираешься по ним ходить? – перешла жена к провокационным вопросам.

Мешки и вправду смущали. Первый прозрачный пакет появился на тротуаре примерно месяц назад. Сначала я не обратил на него никакого внимания. Но через неделю пакетов было несколько. Соседи стали возмущенно обсуждать их происхождение. Через две недели мы уже не знали, что думать, и, подходя к парадной, с опаской поглядывали на окна над головой.

– Конечно, смущают! – заинтригованно подтвердил я, ожидая развития темы.

– Так вот, я выяснила, что это с шестого этажа их выбрасывают.

– Зачем? – искренне удивился я.

– А вот затем, что бабке, которая там живет, эти сволочи затычку в унитаз поставили за долги! – все больше распалялась жена.

– Какую затычку? – напрягся я, вспомнив разговор в боулинге про депутатов-затычек. – Кто тебе сказал?

Жена победоносно посмотрела на меня и выпалила:

– Муниципалы мне сказали! Все бы так и переступал дальше, а я сходила и спросила! Несчастливая бабка долгов накопила, а эти гады с крыши залезли и в фановую трубу ей затычку засунули, чтобы унитазом пользоваться не могла! Как тебе такой поворот?

Сдержав эмоции, я попробовал выяснить, чем в такой ситуации, по ее мнению, можно помочь бедной соседке.

– А чем ты ей поможешь? – продолжала кипятиться супруга. – Вместо того чтобы подумать, как пожилому человеку жизнь облегчить, они мне про какой-то депутатский запрос наплели! А по факту, мало того что собачье дерьмо неделями не убирают, так теперь еще и человеческое будет везде валяться!

Я вспомнил разговор с Павлом и позволил себе на секунду улыбнуться, о чем, правда, моментально пожалел.

– А что ты смеешься? – резко перешла в наступление жена. – Что я смешного сказала?

– Да ничего я не смеюсь, – начал оправдываться я. – Вчера в боулинге Ленка с Пашкой меня в депутаты звали. Вот и вспомнил.

– Так и пошел бы! – живо отреагировала жена. – Ты бы их рожи видел: сидят, деятельность изображают, давно их гнать нужно!

Пока она говорила, я вспомнил, о чем размышлял за завтраком. Может, действительно попробовать? И если разобраться с проблемами в стране у меня вряд ли получится, то хотя бы в родном районе можно попытаться.

– Спектакли у тебя по вечерам, днем свободен, мог бы кроме лицедейства еще чем-то полезным заняться, – не унималась жена.

– Подожди, – прервал я ее пламенный монолог. – Я позвоню Паше, а потом подумаю.

– Давно не слышались! – раздался шуточный голос Павла.

– Паша, извини, что поздно. Вот вспомнил о нашем вчерашнем разговоре и решил позвонить.

– Это ты про блондинку, что ли? – захихикал в трубку приятель. – Эх тебя зацепило!

– Какая блондинка, – понизив голос, прошипел я. – Я по серьезному вопросу. Скажи, я смогу стать депутатом?

– О как! – восторженно произнес в трубку Паша и заорал: – Ленка! Илюха звонит, говорит, решил политиком заделаться!

– И правильно! У него получится, – раздался в трубке приглушенный голос Лены.

– А тебе-то зачем это нужно? – огорошил меня неожиданным вопросом Павел.

– Не знаю, – пожал я плечами, как будто Пашка мог видеть этот жест. – Просто ты рассказал – вот и подумалось, почему бы не попробовать.

Павел на несколько секунд замолчал, затем, видимо приняв решение, начал размышлять вслух:

– Самовыдвиженцем тебе будет сложно. Лучше, конечно, от партии выдвинуться... Тебе какая партия-то нравится?

– Да... я ничего про них и не знаю, – чувствуя себя полнейшим профаном, растерянно ответил я.

– Как не знаешь?! – удивился Павел. – Ну за кого-то же ты на президентских выборах голосовал?

– За Жириновского, – протянул я, вспоминая, что сделал выбор скорее из желания пойти против общественного мнения, чем осознанно.

– Ну вот и отлично! – радостно воскликнул приятель. – Есть у меня в ЛДПР знакомые. Будет там теперь два артиста, – продолжил он уже со смехом.

– А кто второй? – удивленно спросил я.

– Как кто? – еще громче засмеялся Павел. – Второй – это ты!

Глава 4. Собрание

Из зеркала на меня неодобрительно смотрел то ли охранник, то ли менеджер низшего звена – этому сходству я был обязан купленному некогда для свадьбы черному костюму.

Даже после разговора с Павлом накануне вечером я не был уверен, что у моей политической истории появится продолжение. Но, как оказалось, он отнесся к вопросу серьезно. Буквально на следующий день со мной связались и пригласили на собрание партии.

– Надень жилетку, – попыталась поддержать меня жена.

Я с сомнением покосился на сиротливо висевшую на вешалке бордовую жилетку. Возможно, собирайся я на коктейльную вечеринку, она и спасла бы ситуацию, но для деловой встречи совершенно не подходила.

– Без жилетки я охранник, а в жилетке – клоун, – окончательно впадая в уныние, пожаловался я.

– Да в такую жару ты в любом пиджаке будешь клоуном, а в этих штанах – так вообще клоуном-стриптизером, – резюмировала жена и удалилась. – Мусор захватить не забудь, – донеслось из коридора.

Я повернулся и посмотрел на свое отражение со спины. За десять прошедших после свадьбы лет я, конечно, несколько раздобрел, но не настолько, чтобы не влезть в свадебные штаны. Впрочем, вид плотно обтянутой тканью попы кричал об обратном.

– Почему стриптизер? Скорее порноактер, – пробормотал я себе под нос, раздраженно стягивая с себя проклятый костюм.

– Вам здесь? – спросил водитель такси, остановившись напротив синих ворот. Я заметил висевшую на стене табличку с партийным логотипом, кивнул и вылез из машины.

За забором виднелась крыша двухэтажного здания, примыкающего к глухой стене жилого дома. Прямо над ним красовалось большое граффити: изображенный по пояс Владимир Жириновский неестественно толстым пальцем указывал на крупную надпись: «ЛДПР ЗА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ!» Монолитный образ дополняла торчащая над его головой кирпичная труба.

Приехал я раньше назначенного времени. Заходить внутрь было немного страшно. И, желая хотя бы ненадолго оттянуть момент своего политического дебюта, я решил воспользоваться возможностью и осмотреть партийный штаб снаружи.

Пройдя вдоль забора до выходящей в узкий проулок стены, я посмотрел наверх и заметил растянутую над забором проволоку. С этого ракурса изображение лидера партии выглядело драматично. Создавалось ощущение, будто опутанный колючей проволокой Жириновский в безмолвном отчаянии пытается дотянуться до нарисованного на стене слогана.

– Ничего, прорвемся, – вздохнул я и решительно направился ко входу.

В небольшом зале нас собралось человек пятьдесят. Я занял свободное место в третьем ряду и принялся с любопытством разглядывать пришедших на собрание людей. При взгляде на присутствующих становилось понятно, что к своему внешнему виду я подошел излишне требовательно. Несколько пришедших, несмотря на жару, были в галстуках, но основная масса оделась кто во что горазд. Видимо, путь в политику, хоть здесь и начинался, но обещал быть длинным и тернистым. Я в очередной раз оглянулся и неожиданно поймал на себе пристальный взгляд одиноко сидящего в отдалении мужчины.

«Может, знакомый какой?» – подумал я и как бы невзначай еще раз посмотрел на него. Крепкого телосложения мужчина продолжал сверлить меня взглядом.

Началась первичная переключка. Между рядов засуетился организатор собрания, сверяя всех по заранее подготовленному списку и при этом не забывая уточнять имена порекомендовавших нас людей. Я отвлекся и быстро забыл о разглядывающем меня человеке.

Когда все расселись, ведущий подошел к небольшой трибуне и включил проектор.

– Приветствую всех собравшихся, – громко обратился он к притихшему залу. – Меня зовут Максим, и я расскажу вам, какие документы нужно подготовить и как действовать, чтобы стать муниципальным депутатом.

В зале раздалось шуршание. Максим замолчал и, когда все, кто хотел, достали блокноты и ручки из своих пакетов, продолжил:

– Начну с того, что добиться желаемого результата будет сложно. Муниципальных депутатов выбирают один раз в пять лет. А выборы четырнадцатого года считаются самыми грязными за всю современную историю. Скорее всего, что-то подобное повторится и сейчас.

Ведущий, вероятно, с целью переключить слайд, подошел к стоявшему на столе ноутбуку. Я же, воспользовавшись паузой, украдкой принялся изучать сидящих рядом людей. Слева от меня нервно елозил по стулу ничем особо не примечательный юнец. Справа расположился немолодой мужчина, которого я сразу прозвал Дальнобойщиком. Накинута поверх растянутой футболки водительская жилетка с множеством карманов, казалось, пестрела многочисленными грязными разводами.

«Хорошо хоть я не напялил свадебный костюм», – промелькнуло у меня в голове.

Стараясь не привлекать внимания, я нацепил на нос очки и покосился на Дальнобойщика. Пятна на его жилете оказались всего лишь выцветшим орнаментом на огуречную тему.

Между тем ведущий справился с техникой, и на экране появился первый слайд.

– Ознакомьтесь со списком необходимых для подготовки избирательной кампании составляющих, – прервал тишину Максим. – Кадровый резерв – это вы, наши будущие депутаты. Дальше идут активисты, агитаторы и наблюдатели. Что это за люди, я расскажу позже, а сейчас прошу обратить внимание на пункт под названием «Проблемы при регистрации кандидатов в ИКМО». Все знают, что такое ИКМО?

В зале поднялось несколько рук.

– «Избирательная комиссия муниципального образования», – ответил на свой же вопрос Максим. – Слово «проблемы» означает, что именно на этом этапе ИКМО и постарается сделать все, чтобы вы не прошли дальше.

Молодой парень слева от меня нервно хихикнул.

– Вы, возможно, удивитесь, – не отвлекаясь, продолжил Максим, – но для начала это самое ИКМО необходимо найти, и это не образное выражение. Каждый раз организаторы выбирают новое место только для того, чтобы вы обнаружили его как можно позднее.

– А в чем смысл? – спросил сидящий у окна грузный мужчина.

Максим нашел взглядом вопрошающего и громко, обращаясь ко всем, продолжил:

– Смысл простой: на регистрацию у вас будет двадцать дней. А чем дольше вы ищите свою комиссию, тем меньше времени у вас остается на подачу документов. Опубликовать адрес они обязаны в районной газете, так что советую ходить по библиотекам вашего муниципалитета – нигде больше адрес ИКМО вы не найдете.

Червь сомнения закрался мне в душу.

«Разве такое возможно?! – подумал я. – Каким образом в наше-то время Интернета и сайтов единственным источником публикации адреса государственного органа может быть печатное районное издание?!»

Становилось все интереснее.

– А когда адрес опубликуют? – снова спросил мужчина у окна.

– Предположительно выборы должны назначить после пятнадцатого июня, но ИКМО постарается опубликовать данные как можно позднее. Я советую не тянуть с подачей доку-

ментов и сделать это в первые же дни! Чем позже вы придете, тем меньше у вас будет шансов. – На этих словах Максим переключил слайд и продолжил лекцию.

Я, совершенно забыв обо всем вокруг, не отрываясь от экрана, слушал ведущего. Огромный, ранее неизвестный мне мир, связанный с невероятной подлостью и всевозможными махинациями, поражал открытым цинизмом и безнаказанностью. Максим рассказал нам про подставные очереди, не позволяющие подать документы никому, кроме избранных, про искусственно сокращенные графики работы участков, вынуждающие кандидатов организовывать круглосуточное дежурство. Подробно описал несколько уловок, к которым могут прибегнуть соратники ИКМО на стадии подачи документов.

В какой-то момент я с удивлением отметил, что тон, которым Максим рассказывает обо всех этих мерзостях, не позволяет понять его личного отношения к происходящему. Появилось ощущение, будто, механически перечисляя всевозможные преступления чиновников, ведущий понимал, что бороться с ними бесполезно, и, смирившись, он скорее делал акцент на преодолении, а не на искоренении творящейся несправедливости. Хотя многие из описанных Максимом примеров были настолько дикими, что я все больше сомневался в реальности применения подобных методов в наше время. В дальнейшем я часто вспоминал эту часть лекции, неоднократно убеждаясь в собственной наивности.

Максим объявил небольшой перерыв. Предположив, что в политике лучше не афишировать свои вредные привычки, я протиснулся между будущими соратниками и незаметно вышел на улицу. Несмотря на вечернее время, казалось, что царящая в городе жара только усилилась.

– Простите, а вы случайно не артист? – спросил кто-то. Обернувшись, я увидел мужчину, пристально разглядывавшего меня в начале собрания. Теперь, когда он стоял рядом, я с удивлением отметил, что он совсем небольшого роста.

– Артист, – подтвердил я, слегка раздосадованный тем, что по-тихому сбежать не получилось.

Мужчина улыбнулся и протянул руку.

– Георгий. Я вас сразу узнал... Извините, я не помешал? – уточнил мужчина, видимо почувствовав мое смущение.

– Ну что вы, конечно нет! – поспешил заверить я.

– Вы курить шли? Можно я с вами? – спросил Георгий.

Я ответил, что ничего против не имею, и мы вышли за ворота.

– Спасибо, я не курю, – улыбнулся Георгий в ответ на протянутую мной пачку сигарет. Он подождал, пока я разберусь с нежелающей работать зажигалкой, и поинтересовался: – А вы по какому округу будете избираться?

Я пожал плечами:

– Еще позавчера я не предполагал, что вообще буду участвовать в выборах, и даже как называется мой округ, пока не представляю, – признался я Георгию и, воспользовавшись ситуацией, спросил: – Вы не знаете, можно ли устроить, чтобы это было поближе к дому?

– Конечно! – улыбнулся Георгий. – Это даже лучше будет, удобней. Вы в каком районе живете?

– В Центральном, – ответил я, – на Красногвардейской.

– И я в Центральном! – обрадовался Георгий. – Давайте мы с вами по одному округу пойдем?

– Если так можно, то я только за, – ответил я.

– Да конечно, можно, – заверил меня Георгий. – Просто попросим, чтобы нас вместе записали.

Мы договорились встретиться после собрания и, обменявшись номерами телефонов, вернулись в зал.

– Как я вижу, еще не все испугались, – пошутил Максим, проходя между рядов.

– А что, и такое бывает? – кокетливо спросила сидящая в первом ряду симпатичная девушка.

– Конечно, бывает, – улыбнулся в ответ Максим. – Это уже пятое собрание. Иногда даже после первой части люди начинают понимать, что их ждет, и не возвращаются... А теперь приступим к теме «Подготовка к агитационной работе».

Максим вернулся к трибуне и перешел на деловой тон:

– Я расскажу, как правильно написать предвыборную программу и оформить необходимые вам материалы.

«Щелк-щелк-щелк», – раздавалось где-то совсем рядом. Я посмотрел на сидевшего справа от меня Дальнобойщика. Во время перерыва мужчина успел обзавестись бесплатными партийными сувенирами: теперь на его коленях лежало несколько блокнотов, а в руке он нервно сжимал пластиковую шариковую ручку. Вот его палец напрягся (мне показалось, что все окружающие звуки при этом замерли), и ручка победно выдала новую серию щелчков.

Глубоко задумавшись, мой сосед уставился на стену, рассматривая очередную проекцию, и, казалось, совсем не замечал ничего вокруг. Я же, наоборот, окончательно выведенный из равновесия раздражающими щелчками, уже не мог думать ни о чем другом.

«Щелк-щелк-щелк...» Очередные серии щелчков все больше действовали на нервы. Сначала сидящие поблизости, а затем уже и остальные присутствующие начали поворачивать головы в поисках источника раздражающего звука. Но Дальнобойщик был неумолим: даже когда уже практически все участники собрания отвлеклись от лектора и смотрели только на него, он, не отрывая глаз от экрана, нервно давил на пластиковый колпачок.

– Перед встречами с избирателями желательно ознакомиться с агитационными материалами ваших конкурентов, а то... – На этих словах Максим, видимо, заметил, что потерял внимание аудитории, и, найдя источник отвлекающего звука, полушутя-полусерьезно обратился к сидящему рядом со мной мужчине: – ...а то можно все прощелкать!

Аудитория взорвалась от смеха. Дальнобойщик наконец оторвался от экрана и, поняв, что оказался в центре внимания, покраснел.

– Главное, когда будете писать, не обещайте ничего невыполнимого, – пресекая всеобщее веселье, продолжил Максим. – Вы не можете повысить зарплату учителям или понизить пенсионный возраст, так что рекомендую сосредоточиться на проблемах вашего района. Обратите внимание на парковки, детские площадки, зеленые насаждения. К сожалению, как показывает практика, в городе с этим проблемы везде, вот про это и пишите.

– А у нас в парадной замок сломан, – вдруг ни с того ни с сего громко произнес кто-то из сидящих за моей спиной.

Максим на секунду замер, повернулся в нашу сторону и после недолгого размышления ответил:

– Прекрасно! Вот и напишите про проблемы с районными ЖКХ. И вот еще что, – продолжил он, обращаясь уже ко всем, – вы теперь в партии, обязательно ознакомьтесь с ее программой! Если партия против гомосексуализма, значит, и вы против гомосексуализма, если партия против пьянства и курения, значит, и вы против пьянства и курения. Полную программу можно посмотреть на нашем сайте.

Собрание подошло к концу, и ведущий вместе с помощниками раздал нам необходимые для заполнения бумаги.

– Название округа пока не вписывайте, – повторял он каждому. – По мере готовности проходите в соседний кабинет, мы подберем удобный вам номер.

Максим подошел к нашему ряду и, широко улыбаясь, обратился к моему соседу:

– Вам понравилась лекция? – спросил он.

– Очень интересно, спасибо вам, – сказал мужчина, вставая.

– Нет, это вам спасибо, для меня будет честью видеть вас в наших рядах! Вы уже видели свои стихи в последнем номере газеты?

– Пока нет, – ответил мой сосед, доставая из-под стула старенький портфель. – Вот я еще принес, на прошлой неделе написал, – продолжил он, передавая Максиму ничем не отличающийся от тех, что раздавали нам сегодня, блокнотик.

– Спасибо! – радостно воскликнул Максим и пожал мужчине руку. – Когда бумаги заполните, найдите меня, пожалуйста, я сам их проверю.

Максим ушел, а я все сидел и разглядывал соседа.

«Вот тебе и Дальнобойщик!» – пристыженно подумал я.

– Илья, сзади столик есть, пойдемте там бумаги заполним, – прервал мои размышления подошедший Георгий.

Мы уселись на соседние стулья и, провозившись с документами почти час, встали в образовавшуюся небольшую очередь.

– Вы идите первым и, когда определитесь с округом, я попрошу, чтобы нас вместе и поставили, – напомнил о нашей договоренности Георгий.

Я кивнул и зашел в кабинет.

– Вы на какой улице живете? – устало спросил сидящий за столом молодой человек.

– На Красногвардейской, – ответил я.

– Это муниципальный округ «Красногвардейское», – проговорил он, сверившись с базой данных. – Там будете баллотироваться?

– Там, – подтвердил я.

Молодой человек быстро застучал по клавиатуре компьютера, а я, заметив переминающегося в дверях Георгия, спросил:

– А можно мы с коллегой вместе по «Красногвардейскому» пойдем?

Молодой человек перестал печатать и, взглянув на Георгия, сказал:

– Нам бы хотелось равномерно охватить весь город, кандидатов не хватает, но если очень нужно, то можно.

Я незаметно кивнул Георгию, давая понять, что вопрос решен. Георгий улыбнулся и закивал в ответ.

– Держите бланк справки, – прервал нашу пантомиму молодой человек. – Перед подачей заполните ее, но обязательно уточните, как правильно пишется название вашей комиссии. Бывают варианты.

Что-то в том, как он произнес последнюю фразу, меня смутило, и на всякий случай я решил уточнить:

– Какие бывают варианты?

– Разные, – усмехнулся молодой человек, – например, в названии может быть написано «многомандатный округ», а может – и «пятимандатный округ». В целом это одно и то же, но, чтобы снять вас с выборов, муниципалы могут в последний момент поменять даже собственное название.

Глава 5. Олег в Москве

Резкий толчок в спинку кресла заставил Олега болезненно поморщиться. Он попытался приоткрыть глаза, но полоснувший, подобно молнии, яркий свет вынудил его моментально зажмуриться.

«Где это я?..» – родилась в голове одинокая судорожная мысль.

С трудом преодолевая разрывающую голову невыносимую боль, Олег прислушался к доносящемуся из динамиков приятному баритону: «Благодарим за то, что вы выбрали наш поезд».

«Я был в Москве...» – подсказало первое смутное воспоминание.

Олег уперся ногами в пол и попытался приподняться, но сразу же рухнул обратно.

«Почему так больно? Может, мне голову разбили?» – равнодушно подумал он.

Со всех сторон доносились приглушенные голоса, шорох и неясный шум. Немного отдохнув, Олег собрался с силами и предпринял вторую попытку разглядеть окружающую обстановку. Осторожно приоткрыв один глаз, он выждал и, только убедившись в том, что царящий в голове гул не усиливается, отважился открыть второй.

По проходу курсировали расплывчатые тени. Олег поморщился и сфокусировал взгляд на сидящей напротив него немолодой паре.

«Почему она так на меня смотрит?» – подумал он, вглядываясь сквозь слегка приоткрытые веки в перекошенное от брезгливого отвращения лицо похожей на бухгалтера дамы. Заметив, что Олег проснулся, сидящий рядом с ней мужчина незаметно от спутницы подмигнул Олегу, после чего попутчики одновременно встали и, забрав с полки сумки, исчезли из поля зрения.

Только сейчас Олег понял, что он почти сполз под стоящий перед ним столик. Невзирая на боль, он подтянул не желавшее слушаться тело обратно в кресло и обнаружил лежащий посреди стола открытый паспорт.

«Мой, что ли? Наверное, я его для проверки положил и вырубился», – предположил Олег, машинально ощупывая карман пиджака. Разглядеть фотографию не получалось, но обложка была знакомая.

Вагон практически опустел. Забыв о паспорте, Олег уставился на проходящих за окном пассажиров.

«Ключи... телефон... портфель...» – перечислял он в уме то, что могло быть безвозвратно утеряно во время путешествия. – Наверное, я уже в Питере и нужно встать...»

Олег провел ревизию содержимого карманов и, не обнаружив телефона, с тоской посмотрел на несколько скомканных мелких купюр.

«На такси хватит», – успокоил себя он и, оперевшись на столешницу, с трудом поднялся.

– Мужчина, Санкт-Петербург, приехали, – окликнула его проводница.

Не в силах что-либо произнести, Олег кивнул и, держась за кресло, заглянул под стол.

«Надо же, не потерял...» – удивился он и, поняв, что нагнуться не получится, вытолкнул ногой из-под стола портфель. Но радость от неожиданной находки мгновенно испарилась при виде некогда голубого галстука. «Блевал...» – предположил Олег, с грустью разглядывая покрытые засохшей коркой коричневые разводы.

Он осторожно вышел из вагона и неуверенно двинулся по опустевшему перрону. Ставив прямо на ходу испорченный галстук, с удовлетворением отметил, что рубашка пострадала не так сильно, как могла бы.

Добравшись до головы состава, Олег остановился, огляделся по сторонам и решил зайти в привокзальный ресторанчик.

– Здравствуйте! – приветливо воскликнула одиноко стоявшая за барной стойкой девушка.

Олег кивнул и, обрадовавшись отсутствию посетителей, уселся за самый дальний от входа столик.

Девушка вышла из-за стойки и положила перед Олегом папку с меню:

– Сразу закажете что-нибудь?

– Кофе... будьте так добры... – с трудом подобрал нужные слова Олег. – Капучино... с сахаром.

Девушка неуверенно кивнула, но почему-то не уходила.

– И посчитайте сразу, пожалуйста... – попробовал успокоить ее Олег, предположив, что официантка сомневается в его платежеспособности.

– У вас лицо чем-то испачкано...

Олег озадаченно на нее посмотрел, затем потрогал рукой влажный от пота лоб и спросил:

– Можно мой портфельчик тут постоит?

– Ну если не боитесь, то конечно.

Когда официантка ушла, Олег, немного поразмыслив, поставил портфель на колени и решил исследовать его содержимое. Телефон, кошелек, удостоверение помощника муниципального депутата – все нашлось! Радуюсь искренне, как ребенок, он продолжал выкладывать на стол вновь обретенные богатства, пока не извлек бутылку водки и палку дорогой колбасы.

«Зачем мне водка, я же ее не люблю?» – удивился Олег неожиданной находке.

Яркий свет... Супермаркет... Летящий в Димона огурец...

«Питерские депутаты огурцами не закусывают! Дайте мне колбасы!»

Всплывшая в памяти неприятная картина вдавила резко побледневшего Олега в диван.

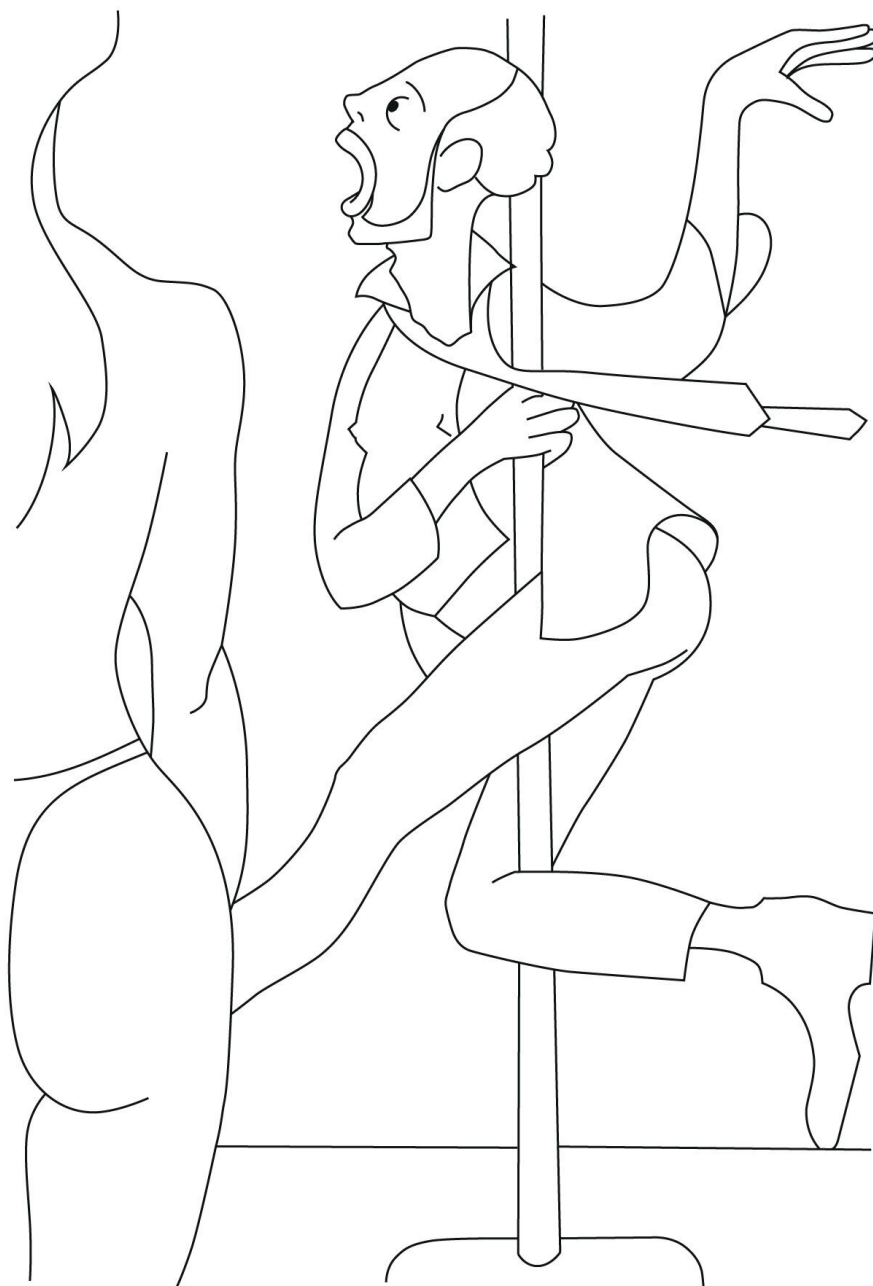
«Что же я натворил?!» Он судорожно пытался ухватиться за обрывки воспоминаний, но, кроме овощного отдела какого-то супермаркета и ухмыляющейся рожи Димона, ничего больше вспомнить не получалось. Отчаявшись, Олег сгреб находки обратно в портфель и отправился в туалет.

Официантка не обманула: подойдя к зеркалу, он с недоумением обнаружил на опухшей физиономии несколько черных разводов.

«Это что же получается... я выложил на стол открытый паспорт и с такой рожей ехал? Только бы я в поезде ничего про депутатов не наплел!» – испуганно подумал Олег.

Холодная вода немного привела его в чувство. Он вернулся в зал, достал из портфеля зарядное устройство и подключил телефон к найденной под столом розетке.

«Олег, ты приехал? Текст для собрания у меня на столе», – сообщение от матери выскочило сразу, как только он включил аппарат.

«Черт, сегодня же собрание!» – выругался про себя Олег, но эта проблема быстро отошла на второй план, как только он открыл сообщение из банка о последних тратах.

– Привет, депутат! – раздался после долгих гудков недовольный голос приятеля.

– Димон, ты не знаешь, как я умудрился триста тысяч вчера прогулять? – без предисловий накинулся на товарища Олег.

С Димоном он познакомился еще в армии. Благодаря связям отца Олежку пристроили в армейский оркестр, где он с удивлением обнаружил большое количество таких же, как и он

сам, «музыкантов». Блатные, как правило, ни на чем играть не умели, но дружественные родителям вояки придумали выдавать сынкам инструмент под названием «треугольник». Прячась за трубами, Олег с Димоном с удовольствием лупили по согнутому в двух местах стальному пруту. Попадать в ритм было не обязательно, и, благополучно «отслужив» два года, довольные приятели разъехались по домам.

– Как ты на пилоне извивался, а затем стриптизершам «Офицеров» пел, не помнишь? – зевая, спросил Димон.

– Нет, не помню... – грустно подтвердил Олег.

– Да-а-а, – протянул в трубку Димон. – Я тебя с ними в джакузи отправил. Надеялся, хоть так удастся твой бюджет спасти, но они туда терминал втихаря пронесли, там, видимо, и обобрали... Еле тебя в утренний «Сапсан» усадил, хорошо хоть ксиву не просрали, а то бы и не пустили. Доехал-то нормально?

– Нормально, жив вроде бы... – ответил Олег и попрощался.

Денег было жалко, но принесенный официанткой кофе отвлек от связанных со вчерашней пьянкой размышлений.

«Легко пришло – легко ушло...» – констатировал про себя Олег и погрузился в воспоминания о прошедшем накануне в Москве мероприятии.

Когда Олег обратился к матери с просьбой оказать содействие и зарегистрировать его на форум, она отнеслась к его идее с иронией. Приведенные сыном аргументы, а главное, связанные с поездкой ожидания оказались ей наивными и заведомо бессмысленными. Но Олег умолял, и, взвесив все за и против, Элеонора Антоновна решила, что подобный опыт сыну пригодится, а хуже от поездки точно не будет. И уже через несколько дней Олег любовался на присланный по почте листок с надписью «Всероссийский молодежный форум «Единовластной России».

Он рассчитывал, что в Москве ему удастся познакомиться с нужными людьми. Обилие дорогих автомобилей, выстроившихся ровными рядами перед штаб-квартирой партии, только укрепило его надежды. Разглядывая сверкающий хромом «Майбах», Олег с отвращением вспомнил выкрашенные в синий цвет стены родного муниципального офиса. Но сейчас он был в самом сердце партийного ядра. Взглянув напоследок в покрытое глухой тонировкой стекло автомобиля, он, кажется, в сотый раз за этот день поправил свой новый галстук.

Сделав в обильно украшенном символической холле несколько фотографий, Олег уверенной походкой прошел в зал и занял закрепленное за ним место в последнем ряду. Собрание началось. Украдкой поглядывая на соседей, Олег понял, что ловить здесь нечего и что понастоящему влиятельные люди сидят в первых рядах. Это открытие его немного расстроило, но, взяв себя в руки, он честно попытался сосредоточиться на звучащих с трибуны лозунгах. Время шло. Выступающие сменяли один другого. Лиц говорящих не было видно, а произносимые ими слова быстро наскучили. «Хрен я до них доберусь...» – раздраженно подумал Олег, всматриваясь в партийных лидеров, которые отсюда, с последнего ряда, казались не больше муравьев. Разочарование с каждой минутой усиливалось. С трудом досидев до заявленного перерыва, Олег вышел в холл и начал бродить между покидающими зал людьми в надежде встретить какую-нибудь знаменитость. И тут удача наконец улыбнулась ему. Заметив в отдалении некогда известную спортсменку, теперь выступающую в роли депутата Государственной думы, Олег с трудом протиснулся между окружившими ее соратниками и попросил с ним сфотографироваться.

– Конечно, можно, – улыбаясь в объектив смартфона, ответила спортсменка.

– А я из Петербурга приехал, Молодежный совет возглавляю, – попробовал Олег завязать после фотосессии беседу. Он вынул из портфеля заранее подготовленный, скрепленный пружинкой отчет и попытался передать его спортсменке.

– Если не затруднит, посмотрите, пожалуйста! Это вот я, – показал Олег на размещенную на обложке фотографию. – Здесь мы площадку с активистами красим.

– Какие вы молодцы! – улыбнулась спортсменка. – Вы отдайте его, пожалуйста, моему помощнику, я обязательно потом ознакомлюсь.

– Конечно... отдам... спасибо! – поблагодарил ее Олег. Он попробовал воспользоваться моментом и рассказать подробнее про свои достижения, но бывшую спортсменку кто-то отвлек, и она отвернулась.

Олег попытался определить, кто из присутствующих может быть ее помощником. Но никто из мужчин, одетых в дорогие костюмы, не обратил на него внимания.

«Ну хотя бы для газеты фотографию сделал», – постарался успокоить себя Олег. Однако полное безразличие присутствующих к его персоне угнетало. Обойдя наполненное людьми фойе еще раз, Олег решил, не дожидаясь конца мероприятия, выйти на улицу.

Несколько водителей на парковке что-то оживленно обсуждали. Они скользнули по нему равнодушными взглядами и продолжили разговор. Олег с ненавистью посмотрел на все еще зажатый в руке отчет. Его собственная фотография на обложке, казалось, подмигнула ему:

– Ну что, лошара, обосрался?!

– Наивный лох! – вторил ей хор одетых в белоснежные футболки молодежных активистов.

«Я вам покажу еще, кто тут лох!» – со злобой подумал Олег и, свернув отчет в трубочку, затолкал его в ближайшую урну.

Стоя на ступеньках, он окинул взглядом парковку. Невообразимая пропасть между занимаемой им должностью и сверкающим на солнце морем дорогих автомобилей окончательно сломала неокрепшую психику помощника районного депутата. Чувство сильного разочарования от форума вызвало в нем острое желание немедленно выпить.

Олег обошел ненавистные машины партийных лидеров, достал телефон и набрал номер армейского товарища.

До назначенного на сегодня совещания Молодежного совета оставалось не больше двух часов. Олег выбросил заблеваный галстук в мусорный контейнер, вызвал такси и поехал домой.

Выпитый на вокзале кофе не помог, а опохмелиться перед встречей с активистами он не решился.

Глядя на проносящиеся мимо яркие вывески бутиков, Олег с тоской вспомнил о том уроне, который нанесла поездка в Москву его финансовому состоянию. Порывшись в контактах, он набрал нужный номер.

– Привет! Ну как, маме бабочка моя понравилась? – сходу поинтересовался Владислав, директор сотрудничавшей с округом Олега фирмы.

– Влад, я тут поиздержался слегка, – пожаловался Олег, покосившись на сидящего впереди таксиста. – Ты не можешь мне пятьдесят перевести?

Владислав на несколько секунд задумался и с куда меньшим оптимизмом ответил:

– Олег, я же вроде тебе все перевел!

– Перевел, перевел, – поспешил заверить собеседника Олег. – Я сейчас из Москвы вернулся... В Государственной думе вчера встреча была, продвижение мое обсуждали... Сейчас говорить неудобно, ты мне еще переведи, я тебе потом все обрисую.

– Через пять минут переведу, – с плохо скрытым разочарованием пообещал Владислав.

– Спасибо, дружище! Ты не волнуйся, мы твоей красотой скоро всю Россию обставим, – воодушевленно соврал Олег.

– Все собрались? – неестественно бодрым голосом спросил Олег у сидящего в приемной Андрея.

– Да, сейчас письмо отправлю и подойду, – не отрываясь от монитора, ответил тот.

Олег глянул в зеркало и, удовлетворенный увиденным, уверенно распахнул дверь отведенного под совещание кабинета матери. С десятков собравшихся активистов что-то негромко обсуждали, но, заметив Олега, приветственно привстали.

– Коллеги, рад всех видеть! – улыбнулся Олег и с облечением плюхнулся в кресло во главе стола. Под клавиатурой лежал подготовленный накануне матерью текст. Олег выставил на стол портфель и, незаметно для присутствующих, переложил листок на колени.

– Как съездили, Олег Лаврентьевич? – любопытствовала совсем еще юная девчушка Зоя.

– Просто великолепно! – воскликнул Олег и, переставив портфель на пол, обвел взглядом примолкших участников мероприятия. – Коллеги, я заранее прошу прощения за возможный запах – только что с поезда. Вчера после доклада меня просто не отпускали... – выпалил Олег заготовленную по пути в офис фразу.

Собравшаяся в кабинете молодежь заулыбалась.

– А теперь к делу! – бодро произнес Олег и, нагнувшись, сделал вид, что достает из портфеля спрятанный на коленях листочек.

– Я вот в поезде немного набросал, но скажу сразу: итоги вашей работы вызвали настоящий фурор!

Глаза присутствующих заблестели от счастья.

Олег пробежал взглядом подготовленный матерью текст и, положив его перед собой, продолжил:

– Участие в поздравлении ветеранов, ремонт детских площадок, а главное то, как вы освещали свою деятельность в социальных сетях, не осталось незамеченным в Москве! Даже после совещания меня долго расспрашивали про нашу с вами деятельность, интересовались, как нам удастся все так хорошо организовывать, и, скажу без малейшего преувеличения... – на этих словах Олег замолчал и обвел взглядом присутствующих, – ...восторгались вами!

Собравшиеся в кабинете активисты радостно заулыбались.

– Но расслабляться пока рано! – продолжил свое выступление Олег. – Работы у нас с вами предстоит еще много, и выбранное нами направление на улучшение жизни в нашем районе необходимо продолжать! Все успели разместить на своих страничках в соцсетях отчет о высадке деревьев? – заглянув в очередной раз в листок, поинтересовался Олег.

Дети активно закивали.

– Молодцы! – похвалил подопечных Олег. – А теперь о приятном! – Он сделал паузу и начал читать распечатанный на листке текст: – «За заслуги перед жителями муниципального округа “Красногвардейское”...»

Ребята, казалось, затаили дыхание.

– «...я как глава Молодежного совета при муниципальном округе “Красногвардейское”, – торжественно продолжил Олег, – принял решение наградить всех активистов нашего Совета почетной грамотой, а также рассмотреть возможность выдвижения достигших восемнадцатилетнего возраста членов Молодежного совета на ответственную должность муниципального депутата округа».

– Ух ты! – восторженно воскликнула Зоя и, тряхнув косичками, посмотрела на старших товарищей.

– Да, коллеги, большие дела начинаются с малого! – произнес Олег уже от себя. – Выдвинуть вас от партии мы пока, к сожалению, не можем, списки давно утверждены, но собрать необходимые для самовыдвижения подписи совместными усилиями, думаю, получится.

– Конечно, получится! – воскликнула Зоя.

Глава 6. ИКМО

У двери в парадную, повесив небольшой пакет прямо на ручку, соседка отчаянно рылась в своей сумочке.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровался я, открывая дверь своим ключом.

– Привет, Илья! – ответила женщина, мельком взглянув на меня, и продолжила свои поиски. – Вечно эти ключи пропадают, – пожаловалась она.

Я снял с ручки пакет, и мы зашли в подъезд, казавшийся прохладным после уличной жары.

– Уф, нашла... – пробормотала с облегчением женщина и продемонстрировала мне найденную связку ключей. – Давно в вашем театре не была, сейчас репетируете что-нибудь?

– А как же, – похвастался я, – «Палату номер шесть» ставим, осенью премьеры.

– Вот здорово! Обязательно куплю билеты! – восторженно ответила она.

Соседка была заядлой театралкой. Судя по ее рассказам, она пересмотрела весь наш репертуар, и после каждого посещения я обнаруживал в соцсетях новую фотографию, на которой соседка позировала в фойе театра рядом с моим портретом. Это было трогательно и приятно. Мы поднялись на лифте, я подождал, пока она откроет дверь своей квартиры, вернул ей пакет и распрощался. Оставшись один, я услышал доносившиеся откуда-то сверху приглушенные голоса:

– Есть у нее дочка, в другом городе живет, я поищу ее телефон, – слышался женский голос.

Стараясь не шуметь, я поднялся на несколько ступенек и прислушался.

– О покойных плохо не говорят, но запустила она себя, – перебил ее мужчина. – Пенсию дочке отправляла, а в последнее время ходила совсем плохо, неделями ее не видели.

«Старушка...» – с грустью предположил я, перебрав в уме всех знакомых жильцов с верхних этажей. Похоже, вопрос, который моя жена поставила перед муниципалами, разрешился сам собой. «Теперь со своим депутатским запросом могут расслабиться», – подумал я, заходя в квартиру.

«Мяу!» – радостно поприветствовал меня Сашка и притащил в коридор любимую игрушку. Я погладил кота и, все еще размышляя о подслушанном на лестнице разговоре, прошел в гостиную. Жена отправилась в рейд по магазинам, и скучающий в одиночестве Саша, зажав в зубах потрепанного игрушечного лося, ходил за мной хвостиком по пустой квартире.

– А давай-ка, Александр Сергеевич, мы депутатам позвоним! – обратился я к коту.

Саша напрягся и, пытаясь понять, чего от него хотят, прищурил желтые глаза.

– Давненько от них не слышно ничего, – закончил я свою мысль.

Действительно, дату выборов назначили больше недели назад, и пришло время подавать документы в ИКМО, но новостей по моему округу пока не было. Дважды посетив районную библиотеку, я так и не обнаружил свежего номера газеты и, окончательно впав в уныние, решил позвонить Максиму.

– Отслеживайте сайт городской комиссии, – посоветовал он мне. – Видимо, наученные горьким опытом, они стараются оперативно выкладывать поступающую от районов информацию, многие округа ее уже разместили.

С тех пор я регулярно проверял таблицу на указанном Максимом ресурсе, отмечая ежедневный прирост открывающихся участков, но заветная строчка с названием моего округа так и оставалась незаполненной.

Контактов ИКМО в Интернете, как и ожидалось, найти не удалось, но телефон приемной депутатов присутствовал. Пообщаться с будущими конкурентами было любопытно, и, недолго думая, я набрал указанный на странице номер.

– Здравствуйте, – раздался почти сразу в трубке молодой мужской голос.

– Добрый день, – поздоровался я. – Подскажите, где можно узнать адрес районной избирательной комиссии?

– Не знаю... – настороженно ответил молодой человек. – Могу вас с Элеонорой Антоновой соединить.

«Да хоть с Надеждой Константиновной, – подумал я, – лишь бы адрес сказала». И, ободренный надеждой, вежливо попросил:

– Будьте добры, переключите, пожалуйста.

Молодой человек, видимо прикрыв микрофон рукой, принялся с кем-то консультироваться и, получив от собеседника инструкцию, еще более настороженно уточнил:

– А кто спрашивает?

– Меня зовут Илья, я хочу в депутаты баллотироваться по вашему округу, – не смог удержаться я от маленькой издевки, – а куда документы подавать, не знаю.

Молодой человек снова прикрыл микрофон и продолжил перешептываться. К моему разочарованию, разобрать слов не получилось.

– Слушаю, – неожиданно раздался в трубке неприятно каркающий женский голос.

– Элеонора, здравствуйте, меня зовут... – начал я, но договорить мне не дали.

– Молодой человек! – возмущенно прокаркала трубка. – Вы знаете, с кем разговариваете? Вы в курсе, сколько мне лет? Будьте добры, называйте меня по имени-отчеству!

– Простите... – начал я оправдываться. Сколько ей лет, я, конечно, не знал, но злить ворону в планы не входило, и я перешел к интересующему меня вопросу. – Элеонора Антоновна, вы не подскажете, по какому адресу принимает документы избирательная комиссия нашего муниципального округа?

– Не знаю, – резко отрезала Элеонора Антоновна. Но уже через секунду более спокойно продолжила: – Мы не ИКМО, мы сами ждем от них информацию, но пока нам ничего не говорят.

«Ждут они!» – недоверчиво усмехнулся я, вспомнив, что и депутаты, и офис ИКМО расположены в одном здании, но вслух только поблагодарил собеседницу и поспешил закончить неприятный разговор. Делиться со мной информацией чиновники не собирались, оставалось уповать исключительно на сайт городской комиссии.

– Регистрацию объявили! – радостно сообщил позвонивший на следующий день Георгий.

– Как объявили? Когда? – начал я задавать глупые вопросы, вспоминая вчерашний диалог с депутатами.

– Да вот сейчас! Сайт обновил, а там на завтра уже и прием назначили, – продолжал Георгий.

Немного посоветовавшись, мы решили последовать данному на партийном собрании совету и подать документы в первый же день.

– Комиссия начинает работать с десяти, давай встретимся в восемь? – предложил Георгий.

В душе я сомневался в целесообразности визита в ИКМО в такую рань, но согласился.

– Дорогая, ты не видела мои депутатские документы? – прокричал я, уставившись на опустевшую тумбочку.

– Где бросил, там и валяются! – донеслось из кухни.

Это была игра. Жена патологически не выносила ничего лишнего и регулярно прятала все, что я неосторожно оставлял там, где, по ее мнению, этого быть не должно.

– Любимая, – взмолился я, – завтра вставать рано, а сегодня у меня спектакль! Не издевайся! Куда ты их положила?

– Туда, где им и место! В комодике посмотри! – сжалась надо мной жена. – Но если придешь сегодня после десяти, ужин будешь себе готовить сам. Я ночью прыгать не собираюсь!

Это тоже была игра. Прекрасно зная, что спектакли часто заканчиваются поздно и прийти до десяти я никак не могу, жена, конечно, всегда меня дождалась. Иногда, в очередной раз не выдержав подобных нравоучений, я задавал ей вопрос, чем она думала, выходя замуж за артиста? Впрочем, ответ с годами не менялся. «Я и сама себя спрашиваю, чем же я думала?» – неизменно повторяла она.

Я достал из комода документы, снова положил их на тумбочку и начал собираться в театр.

До указанного на сайте адреса мне нужно было пройти всего метров триста, но, как я давно усвоил, чем короче путь, тем больше шансов опоздать. Я перешел через ближайший перекресток и миновал небольшой сквер с появившейся недавно странной композицией.

«Какая безвкусица!» – вспомнились мне произнесенные женой слова, когда мы впервые разглядывали пестрое, как попугай, изготовленное из искусственной травы подобие бабочки. «Я бы поняла, если б это для детей поставили, но с этой оградкой... Точно могилка», – сыронизировала супруга.

Я опоздал на десять минут, и, когда подошел к нужному дому, увидел группу скушающих людей. Был среди них и Георгий.

– Я внес нас в список, но перед нами уже двенадцать человек, – грустно сообщил он, отведя меня в сторонку.

У двери ожидали еще пятеро: группа из трех угрюмых амбалов, чем-то напоявших мне рэкетиров из девяностых, и два студента в похожих костюмчиках. Вероятно, как и Георгий, все эти люди успели записать в очередь тех, кто еще не подошел.

– Будем ждать, – только и смог ответить я, уныло разглядывая присутствующих. К слову сказать, уже сама дверь выбранного комиссией помещения оказалась необычной. Старинный дом с годами изрядно просел, и теперь войти в подъезд не нагибаясь мог разве что невысокий Георгий.

«Как будто специально выбрали», – подумал я, представляя, как каждый переступающий порог отвешивает низкий поклон, словно в храм входит. Вот только это был не храм, а всего лишь очередной облупленный подъезд жилого дома.

– До обеда бы успеть, – с тревогой в голосе проговорил Георгий, – мне в три уехать нужно.

– Да успеешь, конечно! Неужели они за пять часов двенадцать человек не пропустят, – наивно предположил я.

К моменту открытия комиссии у дверей собралась небольшая толпа. Компанию «рэкетиров» дополнили еще несколько таких же амбалов, к студентам присоединился не по годам обрюзгший молодой человек, а ближе к десяти подошла немолодая крашеная в рыжий цвет женщина в сопровождении мужчины с небольшой ухоженной бородкой. Многие из пришедших заносили себя в импровизированный список уже после нас. Ровно в назначенное время дверь открылась, и все собравшиеся, сгибаясь при входе, по очереди проследовали сначала в парадную, а потом и в небольшой коридор отведенного для избирательной комиссии помещения.

Десяток, вероятно, изготовленных еще в СССР стульев быстро заняли, и мы с Георгием, недолго думая, уселись прямо на заваленный газетами маленький стол.

– Если кому-то надо, то список у меня, – произнес мужчина с бородкой.

Присутствующие никак не отреагировали на его слова.

– А в кабинет кто-нибудь зашел? – шепотом поинтересовался у меня Георгий.

– Да, наверное, зашел, – неуверенно ответил я, пытаясь сопоставить ожидающих в коридоре людей с теми, кого недавно видел на улице. Амбалы в полном составе расположились

в углу у входной двери. Рядом, уставившись в пол, со скорбным выражением на лице сидел толстяк. Напротив нас, рядом с бородачом, расположилась рыжая дама.

– Одного из парней не хватает, – прошептал я Георгию, предполагая, что остальные в помещении записались уже за нами.

Георгий молча кивнул, достал из кармана смартфон и погрузился в чтение новостей.

«Может, домой пойти?» – подумал я, но сразу отказался от этой мысли, решив, что по отношению к приехавшему раньше меня Георгию это будет нечестно. Делать было нечего. Какое-то время я лениво разглядывал давно немытые стены коридора, а потом достал из сумки принесенные документы и в очередной раз начал их проверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.